

Семейная жизнь татар и татарок Рязанской области

Лектор: Наталья Александровна Штефанюк, старший научный сотрудник отдела истории Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.

* * *

Здравствуйте, меня зовут Наталья Александровна Штефанюк, я работаю старшим научным сотрудником отдела истории историко-архитектурного музея-заповедника «Рязанский кремль».

Сегодня мы с вами поговорим о татарах Рязанского края. Это продолжение большой темы, говорить мы будем о семейных традициях и детской культуре татар-мишарей Ермишинского, Кадомского и Касимовского районов. Весь материал, который вы сейчас услышите, был собран во время экспедиций, которые проводились Рязанским историко-архитектурным музеем-заповедником в 2011, 2012 и 2013 гг.

Тема свадебной культуры и детской жизни освещена во многих трудах, в частности В.А. Гордлевского «Элементы культуры касимовских татар», А.А. Мансурова «Материалы по изучению быта касимовских татар», он сам родом из Касимова и считается одним из основоположников касимовского краеведческого музея, а также Разии Гиниатовны Мухамедовой «Татары-мишари». Но нужно подчеркнуть то, что авторами рассматривался период конца XIX – начала XX веков, а то, что вы услышите сегодня, это 30–40 е года XX века, поколение, которое родилось именно в это время, там тоже есть свои особенности.

Условно нашу большую тему можно поделить на несколько пунктов: свадебные обряды и обычаи, семейная жизнь, детская культура, рождение, воспитание, обучение детей, их обязанности и повседневность, игровая культура, а также их участие в праздниках.

Большинство информантов, которые давали нам сведения были рождены в 30–40-е гг. XX века. Детям того времени очень рано приходилось становиться взрослыми, выполнять тяжёлые работы и их детство было коротким. Но, несмотря на все тяготы, они с теплотой вспоминают об этом времени и, конечно же, они не были лишены различных детских забав и приятностей.

Создание семьи для человека любой культуры и национальности важное событие. Семья татарами ценилась очень высоко, и считалось, что семья – это обязательная норма, необходимость. Это отразилось в поговорке, которую мы нередко слышали: «Татары без пары не живут».

Татарская семья традиционно характеризовалась хорошей рождаемостью. Появление ребенка воспринималось как дар, а неимение детей – как

огромное горе. В случае, если в семье были какие-то сложности с рождением детей, то на воспитание брались племянники или племянницы, либо соседские дети. Если ребенок оставался сиротой, его обязательно брали на воспитание соседи или родственники. Это отразилось в присказке, что татарские дети не пропадают.

Мы были в селе Азеево, там познакомились с человеком, который долгое время был директором приюта для детей. И в этом приюте не было ни одного татарского ребенка. Все были русские и из близлежащих областей. Неродную мать называли анэй, а родную –ани, такие лингвистические различия.

Татарские семьи в зависимости от территории проживания были разными. Такой нюанс – в Кадомском и Касимовском районах, причём в Касимовском районе в тех селах, которые близко находились к самому городу Касимову, семьи были средние – 3–4 ребёнка, это немного. А вот уже в Азеево Ермишинского района или в далёких сёлах Касимовского района (Мунтово, Толстиково) семьи уже были большие – 6–10 детей. Чем это объяснить? Возможно, сказалась близость к городу и к городской культуре небольших семей.

В ожидании ребёнка женщина старалась не привлекать к себе внимание, носила просторную одежду и выполняла несложную работу. Причём родственники, родные оберегали женщину, старались ей помочь и не давать ей сложную работу, в отличие от русских, у которых женщины работали в поле до победного.

Что касается пола ребенка – многие отмечают, что с нетерпением ждали как мальчика, так и девочку. У нас сложилось стереотипное мышление, что в основном в мусульманских семьях ждут мальчика, но это было не так. Основным пожеланием было рождение здорового крепкого младенца, но только в селе Азеево отметили, что, когда за сына давали землю, тогда ждали мальчика. Ещё было шуточное выражение – 2/4 зарплаты несую в дом, 1/4 зарплаты отдаю в долг, 1/4 на ветер пускаю. «1/4 на ветер пускаю» говорит о рождении девочки, так как она является временным членом семьи и уходит в чужую семью, а надежда и опора в старости только сын.

Детей с физическими недостатками никогда не бросали и окружали особой заботой, причём не только члены семьи, но и односельчане.

Что касается процесса родов, в сёлах, где могли оказать профессиональную помощь роженицам, их помещали в больницу. Например, в деревне Верки была большая больница, которая размещалась в доме богатого татарина, который жил в этой усадьбе до 20-х гг. 20-го века, потом её перепрофилировали под больницу. Там было 24 палаты – 12 мужских и 12 женских, – большой подвал, система отопления – в общем, роженицы

находились в хороших условиях. Где не имелось больницы, были бабки-повитухи, которые помогали роженицам не только в самом процессе родов, но и первые две недели приходили к молодым мамам, обучали их тонкостям. Говорили, что в 30-е гг. бабка-повитуха за день могла обойти 100 дворов – это село Азеево, где были большие семьи, 6–10 детей.

После родов, на 3–4 день, если женщина находилась в больнице, её отпускали домой с ребенком, по-татарски «баллам» – ребёнок, дитя. В честь счастливого события накрывался праздничный стол для узкого круга людей – родственников или соседей. Среди угощений были традиционные татарские блюда: суп-бульон с мелкой лапшой, табабелиш – мясной круглый пирог, рисовая каша с сиропом, плов, сладости (чак-чак, кудри). В Азеево первым делом подавали пончики с мёдом, называют они их тушэ. В качестве напитков подавались травяные чаи, заварку делали из мяты, листьев смородины, ягод, земляники – любимое сочетание чая.

Гости несли в дар то, что необходимо ребенку на первое время – это полотенца, пелёнки. Могли принести отрез ткани, из которого потом шилась одежда для него. Еще одна информантка, уроженка Оренбургской области, но этническая татарка, рассказывала, что ребёнку дарили в этот день ярочку или тёлочку, появившуюся на свет в день рождения малыша.

Конечно же рождение ребёнка на свет сопровождалось различными обрядами. Первые 40 дней после рождения, как и во многих культурах, считались самыми опасными, ребёнка старались не показывать посторонним.

Центральным был обряд имянаречения. Многие подтвердили такой факт – если в селе был мулла, то его, конечно же, приглашали на этот обряд, ребёнка выносили к нему на подушечке. Мулла брал ребенка, поворачивал его лицом на восток, читал молитву и после этого шептал ему на ухо трижды имя. Имя, конечно, заранее спрашивалось у родителей. Если не было мoulлы, родители выполняли этот обряд сами, либо с помощью крёстных. Крёстного родителя женского пола называли чача анасэ. Крёстная приходила в дом к ребёнку достаточно часто, следила за его духовным воспитанием, если не было мoulлы. В Кадомском районе нам рассказали о некоей зубной тётке тыштатэ. Она выполняла те же функции, что и крёстная, заботилась о его духовном воспитании, но тыштатэ приглашали на праздник первого зуба ребёнка.

За обряд имянаречения мoulле давалось вознаграждение, часто это могло быть денежное вознаграждение, но к деньгам всегда прикладывали какой-то необходимый в быту подарок, например, кусок мыла или полотенце, то есть просто деньги отдать было нехорошо.

Ещё считалось, что ребёнку нужно дать имя в течение трёх дней. Если этого не произошло, то считалось, что ребенок будет расти капризным, слабым и больным, склонным к сглазу и попадёт под влияние злых сил. Поэтому определяться с именем старались пораньше. Распространёнными женскими именами были Азиза, Аля, Альфия, Гульнара, Нелия, Родзия, Рая, София и Харися. Мужскими – Динар, Наят, Радик, Ренат, Рустам, Фатех, Шамиль. Все эти имена у нас на слуху.

Как и во многих советских русских семьях, часто старались называть детей на одну букву, чтобы было созвучно. Как нам известно, в советское время многие трудно произносимые татарские (и не только) имена переименовывались на русский слух. Например, Родзию, татарку, звали Розой, Нелия – Неля, Нелли. Так они до сих пор себя и называют, только в кругу семьи их могут назвать татарским именем. Были и ласкательные обращения к детям, например, джанем – душа моя, кезэкаим – глазоньки мои.

После рождения ребёнка клали в люльку – бишек, мамы-бабушки пели младенцам колыбельные, рассказывали сказки, и одну из них нам поведала жительница села Иванково. Перевод сказки на русский язык приблизительно выглядит следующим образом: дедушка-медведь, приходи к нам в баню, мы тебя помоем, причешем и спинку почешем, аюбабайтебя приласкает, тогда ты, мое милое дитя, бояться не будешь. Аюбабаем пугали, но в тоже время в колыбельных он фигурирует.

Конечно же ребенка пытались защитить от всяких зол и бед, было распространено верование в злых духов, существовали обряды, направленные на поддержание здоровья ребенка и его защиту. Оберегом служил локон срезанных волос, его завязывали в узелок и носили на шее. Существовало поверье, что срезанные ногти и волосы нельзя разбрасывать, потому что их может украсть ворона/ворон и сплести из них гнездо, и всю жизнь будет болеть голова, будут неприятности со здоровьем. Ещё говорили о том, что были люди, которые занимались колдовством, они могли собрать эти ногти и волосы, смешать с пшеном и навести порчу как на ребёнка, так и на всю семью. Такое вот грозное оружие в руках знающего человека.

Защищали дом и домочадцев, подвешивая связки чертополоха и татарника над дверью, причём эту траву нужно было менять каждый год и вешать новую, так как за год она впитывала в себя весь негатив, и от него нужно было избавляться. От дурного глаза ребёнка оберегали при помощи браслета из красных бусинок, и мы видели эти браслеты на уже взрослых людях. От желтухи ребёнку вешали браслет из янтаря, по их представлениям, это помогало быстрее выздороветь. И дети, и взрослые носили амулет питеу – это мешочек с вшитой туда молитвой. Если до 20-х гг. 20-го века питеу носилось поверх одежды, через плечо, как маленькая сумочка, то в советское

время питею тоже носили, но уже под одеждой, его было не видно. В детскую люльку-бишек тоже клали этот мешочек с молитвой, прятали под матрас – всё это оберегало ребенка от неприятностей.

До 2–3 лет ребёнок находился на грудном вскармливании, причём, когда ребёнок уже мог воспринимать обычную пищу, начинали с овощей и в последнюю очередь давали мясо. Если мама не могла кормить ребенка грудью, то искали молочных мам. Так как рождаемость была хорошая, соседки с радостью соглашались кормить ребенка. И с этой молочной мамой в последствии поддерживались тёплые отношения, о ней помнили и с ней дружили.

Дети постарше ели всё то же, что и взрослые; в основном говорится о картофеле, солёных огурцах. Очень редко ели мясо, преимущественно это мясо птицы, по праздникам – баранина и конина. В качестве детского лакомства использовали сушёную морковь, молочный сахар, ягоды.

Специальных детских комнат или уголков не было, все жили в одном помещении – спальне, но, конечно, была детская кровать.

Для сыновей существовал ещё один очень важный обряд: по достижении мальчиком 4–6 лет родители приглашали муллу или специально обученного старца-бабая, если в селене было муллы для проведения обряда обрезания. После всех свершенных процедур мальчика изолировали на день, иногда даже привязывали к кровати, чтобы он не занес себе инфекцию. Целый день ребёнок был привязан к кровати.

Были народные способы врачевания, были знахарки. В случае простуды, как и в русских селеньях, ребёнка сажали на печь (или в саму печь) для того, чтобы он там хорошенько прогрелся. Бородавки, мелкие ссадины лечили при помощи так называемого чёртова пальца, считали, что кремний способствует затягиванию ран. Одна информантка познакомила нас с заговором, который использовался при лечении зубной боли: больной должен был сесть за стол, уголки стола очерчивались угольком, читались молитвы, особые слова (нам они не были рассказаны), затем проводили рукой по больному месту и, со слов информантки, после этого боль действительно утихала. Скорее всего, весь секрет был в словах.

Одежду для детей покупали редко, в основном перешивали из одежды взрослых. Ткань приобретали на базарах в Касимове. И если в 20–30-е гг. 20-го века традиционный крой и элементы традиционного костюма ещё прослеживаются в детской одежде, то после Великой Отечественной войны они уже полностью исчезают, максимум – могли носить тюбетейку, а у девушек было особого кроя платье. Мальчиков обычно стригли очень коротко или налысо. Девочки, как и взрослые женщины, укладывали волосы

в две косы, им позволялось ходить с непокрытой головой, но остригать волосы строго-настрого запрещалось – хотя они об этом даже и не задумывались. Если семья жила в достатке, то девочке в косы вплетали монетки, как нам объяснили, чтобы волосы во время обеда при наклоне головы не попадали в еду. Девичьим головным убором был калфак, для молодых девочек и девушек были небольшие калфачки, для взрослых женщин они были побольше. Детские калфачки зачастую украшали кораллами, но те, что нам показывали, относятся к более позднему периоду – 20–30-е гг. 20-го века, в 40-е годы такие калфачки девочки уже не носили.

В 50-е гг. традиции в костюме меняются: татары в это время носили то же, что и русские, была универсальная одежда. Для девочек шили юбки, блузки; для мальчиков – брюки, рубашки, очень редко пиджаки. Многие информанты подчёркивали, что иногда одежды не хватало, носили по очереди. В одной семье был мальчик и девочка, мальчику вовсе было нечего надеть, и он мог выбежать во двор в платье своей сестры.

Единственное, что помимо головного убора сохранилось традиционного в костюме, это, пожалуй, обувь – эчиги, татары очень берегли их.

Воспитывали детей в строгости и послушании, они чётко понимали, что уважение к взрослым – это закон. Взрослых почитали, оговариваться или пререкаться с взрослыми было не принято. Примечателен рассказ о семейной паре, где муж был на 2–3 года младше своей невесты. Он был главой семьи, но последнее слово оставалось за женщиной. То есть даже в таких семейных отношениях уважалось старшинство по возрасту.

К старшим родственникам обращались на «вы», очень редко когда на «ты». Родители с вниманием относились к детям, криков-окриков не было, воспитывали строго, разговаривали на серьёзные темы, не унижали и не били. Озорных ребят припугивали аю-бабаем – дедушкой-медведем, шурале-духом леса, шайтаном – чёртом. Наказанием за ослушание становились долгие разъяснительные беседы, в самом крайнем случае мальчика налысо остригали, он должен был выполнять вдвое больше обязанностей по дому. В обязанности мальчика входила рубка дров, и если в какой-то день он напроказничал, то должен был нарубить двойную норму. В угол тоже ставили – это повсеместная мера наказания.

С раннего детства дети должны были усвоить какие-то элементарные правила поведения. Например, не садиться за стол, если не пригласят (а первым за стол должен садиться глава семейства), угощаться тем, что стоит поблизости, в районе руки, нельзя выхватывать еду и «кусочничать» – подобное было усвоено практически с молоком матери. Из специфических правил поведения за столом – после вкушения пищи нельзя было сразу

посещать уборную. Неприличным считалось громко смеяться, грызть семечки, ходить с голыми ногами и встречать гостей в домашней одежде – это называлось «встретить неприбранным».

Взрослые обучали детей жизненным премудростям, оберегали от зла. Существовал, например, строгий запрет на причинение вреда паукам, нельзя было болтать ногами, этим можно было накликать чертей, нельзя вытирать стол бумагой – к ссоре, нельзя рассказывать плохой сон, потому что предполагалось, что он сбудется. Нельзя опираться подбородком на руки, нельзя класть голову, потому что тем самым можно привлечь печаль, беду. Боялись грозы, что было распространено не только у татар, но и в русских селеньях. Во время грозы занавешивали все окна, закрывали зеркала, потому что считалось, что во время грозы туда прячутся черти и там пляшут, а на забор вешались резиновые калоши – такие применяли меры безопасности.

Большую роль в воспитании детей играли бабушка и дедушка, в основном они занимались духовным воспитанием и образованием детей и приучали к традиционно-татарским вещам. Например, именно они учили молитвам. Одна из информанток рассказывала, что она вышла замуж за русского, приняла православие, но слова молитвы, которую ей все детство читала перед сном бабушка, помнила, хотя значение этой молитвы не знала. Она возобновила практику чтения этой молитвы, но перевести её не смогла.

Отношения между детьми одной семьи в основном были доверительными и тёплыми, мальчики защищали девочек. К труду детей приучали с раннего возраста, причём существовала чёткая регламентация. Начиналось все с простейших операций где-то в возрасте 3–4 года. Ребенок должен был уметь подготовить керосиновую лампу к вечеру, накрыть на стол (разложить столовые приборы, поставить соль, хлеб). С 7–8 лет мальчики носили воду (до 10–15 ведер) и следили, чтобы она незаканчивалась, если же закончилась, соответственно принести ещё. В их обязанности входила заготовка дров и растопка печи, они ухаживали за домашним скотом, чистили хлев, пасли овец, лошадей. Девочки выполняли работу по дому, следили за домашней птицей (гусями и курами). Летом мальчики и девочки ходили в лес, собирали ягоды, грибы, травы – все это служило потом большим подспорьем в хозяйстве, особенно осенью и зимой. Трудились в огороде, по осени собирали урожай. Картошку копали в октябре, все работы старались закончить до 14 октября, так же, как и по всей России. После завершения садово-огородных работ татарские семьи устраивали праздничное застолье, которое могло длиться до четырех дней. Во время войны многие татарские дети работали на грузозаготовках, где грузили уголь и торф, рубили и заготавливали дрова. За это давали трудодни, а за них рожь.

Интересно детское воспоминание жительницы Касимова о том, как они со сверстниками во время войны собирали ликоподиум – плаун, растение из которого потом делали порох, шедший на военные нужды.

Выполнив все домашние обязанности, детвора, конечно же, играла. Окаких-то необычных играх мы не слышали, играли в мяч, в футбол, строили снежные городки зимой, катались с санок. Всё это типично и для русского населения. Летом помимо сбора ягод ходили купаться, и вот тут была особенность: запрещалось купаться в 12 часов дня и в 12 часов ночи, считалось, что это время самое опасное, может утащить суанасе, русалка. Без пяти двенадцать нужно было обязательно выпрыгнуть из воды. Играли в любую погоду, выходили в том числе и в дождь. Мяч для игр зачастую был один на всех. Этот общественный мячик передавался из рук в руки, и каждый день его хранил новый человек. Хранитель мяча должен был в свой день прийти самым первым и уйти последним, нужно было досидеть до последнего игрока, даже если устал и хочешь домой. На наш вопрос, не было ли распрей из-за мяча, нам ответили, что нет, так как именно в это время была развита такая коллективность, что никто не ругался. Рассказали нам про игру шап-мак, это что-то типа наших городков, когда расставляются деревянные чурки и нужно их выбить. Если кто-то промахивался и не выбивал ни одной чурки, тому доставались оплеухи по числу невыбитых чурок – ему приходилось несладко.

Девочки играли в более спокойные игры, шили кукол. Какой-то особой манеры в пошиве кукол мы не увидели, делались они из тряпок, соломы в магазине покупались запчасти, например, головки, к которым потом пришивалось тулово. Единственное отличие – в традиционном костюме, который шили для кукол. Лоскутки брали у местных портних, постоянно бегали к ним толпами, чтобы сшить кукле самый красивый наряд. Были распространены и так называемые ролевые игры: в учителя, во врача, в библиотекаря. Кстати, о библиотеках, в изучаемых сёлах были избы-читальни, которые пользовались большой популярностью, туда ходили и дети, и взрослые.

Конечно же были и прозвища, которые давали по каким-то личностным особенностям ребенка, особенностям характера. Интересны такие прозвища, как зуда – активный, урюк – человек сухого телосложения, мухтар – преданный товарищ и т.д. Были и «обзывательства», называли телебаш – дурная голова, кабой – пустозвон. Обзываться обзывались, но до драк дело не доходило.

С малых лет ребёнок приобщался к общественной жизни – участвовал в различных обрядах, праздничных гуляниях. Рассказали нам про обряд, который проводился летом, чтобы вызвать дождь: дети бегали по полю,

обливались водой, а в это время взрослый человек, встав лицом на восток, читал молитву. Если был мулла, то обряд проводил он.

На Новый год ёлку украшали самодельными игрушками, что также происходило повсеместно в стране. Деда Мороза татарские дети называли Салкэм Бабаем, то есть «холодным дедом». Праздновали также и русские праздники, на пасхальную неделю татарки с удовольствием красили яйца, татарские дети ходили по русским домам обмениваться яйцами и участвовали в катании яиц с горок. В целом, и татары, и русские уважали праздники и обычаи друг друга. Русские, например, во время каких-то татарских традиционных праздников старались не выполнять никакую работу – ни в поле, ни в огороде, не стирали, проявляли солидарность.

Традиционные татарские и русские праздники дополнились в это время праздниками советскими – 8 Марта и 1 Мая, которые сопровождались широкомасштабными гуляниями с песнями и плясками. Гуляния устраивались и после уборки урожая: накрывали стол, ставили традиционные блюда и в тоже время ходили по улице с красным флагом, пели советские песни. В тот момент татарские, русские и советские традиции сплелись воедино.

Дни рождения не праздновались, как зачастую говорили опрашиваемые. Единственное упоминание о дне рождения нам встретилось в Касимове, в семье родовитых Тугеевых. Это семья интеллигентных потомственных врачей. В этой семье праздновали день рождения ребенка летом, информант вспомнил, что накрывали стол, давали мороженое с земляникой, принимали подарки. В качестве подарков были живые цветы в горшке, игрушки, чашки и т.п.

Подготовка к любому празднику, что советскому, что традиционному татарскому, проходила с особой тщательностью, к ней привлекали детей, нужно было за три дня до праздника убрать дом и самому привести себя в порядок. На праздник надевали чистую, нарядную одежду.

Таким образом, мы видим, что дети приобщались к общественной жизни, и с каждым годом количество обязанностей увеличивалось, подростки 14–16 лет были уже полноценными членами семьи и села. После выполнения всех дневных обязанностей молодежь собиралась на гуляния: пели песни, танцевали, играли на гармонии. Гармони любили, они были у многих, все отличались такой музыкальностью.

Важное место в воспитании занимало обучение, образование. Родители информатов, рожденные в конце XIX– начале XX века, все были грамотные. Обучались грамоте в татарских школах – медресе; знали татарский язык, многие умели читать и писать по-арабски. Магометанские школы работали

вплоть до 30-х, в некоторых селеньях до 50-х годов. Поколение 30-х гг. уже училось в советских школах с типичной для них системой образования. Но практически все представители этого поколения знают татарский устный язык, но, к сожалению, писать на своем языке не умеют. Современные дети, как отмечают информанты, практически совсем не знают языка, но это спорно, скорее с их позиции, потому что мы наблюдали, как внук, приехавший к бабушке из Санкт-Петербурга, где учится в высшем учебном заведении, понимал, что бабушка говорит по-татарски, мог оценить её шутки, улыбался, но говорить на татарском языке не мог.

По окончании школы юноши и девушки продолжали свое образование, они не оставались работать на селе. У кого как получалось – у кого-то высшее образование, у кого-то среднее, но образование было у всех. Многие из опрашиваемых имели отношение к медицине: фельдшер, медсестра, врач; затем идёт пласт учителей, и третий пласт – бухгалтеры и экономисты. В целом татары тяготели к интеллигенции, для них характерна тяга к познанию и грамотности.

Среди татар ранние браки не были распространённым явлением. Предпочтительным возрастом вступления в брак было 25–30 лет, мужчины и в более позднем возрасте вступали в брак. Но в Азеево нам подчеркнули, что в 25 лет девушка считалась «засидевшейся». Тут нужно отметить, что преимуществом даже засидевшейся девушки был достаток родителей. В обеспеченной семье дочь могла не выходить замуж и дольше, это не возбранялось. Для вступления в брак требовалось согласие родителей, но оно было чисто номинальным, потому что те обычно не противились выбору своих детей и благословляли их.

Союзы представителей различных национальностей до 60-х гг. XX века порицались, но после этого настало послабление. Конечно же был тихий ропот родственников, но этому не препятствовали. В основном недовольство выражалось на каком-то бытовом уровне. Жительница Касимова рассказывала нам про своего деда: у него был свой нож, которым он пользовался, когда в дом пришла невестка, русская по национальности, её приняли и особо не роптали, но когда она притронулась к его ножу, дед больше к нему не прикасался. В итоге он его по-тихому выбросил, думая, что никто этого не заметил.

Это больше касается Касимовского и Ермишинского районов, где до 60-х гг. с настороженностью относились к смешанным бракам, что касается Кадомского района, там такой вопрос даже и не стоял. Дело в том, что татары там жили в симбиозе с мордвой, башкирами и русскими, и смешанные браки там были уже давно и никого не удивляли, никто не был против.

Немалое значение имело положение и обеспеченность родителей. В большинстве случаев нам говорили, что в брак вступали по достатку, жених и невеста должны были принадлежать к одному социальному пласту. Ситуация изменилась в 30-е гг., в это время представители зажиточных семейств старались взять невестку или жениха победнее, чтобы их не раскулачили и не подвергли гонениям – всем известный факт. Татары в эти годы следовали тому же принципу.

Когда выбор сделан и согласие получено, к невесте в дом засылали сватов–кеделер. По пути сваты играли на гармонии, пели песни. В день, когда приходили сваты, обсуждали условия свадьбы. Если в доме невесты сватам давали полотенце, значит сговор произошёл, и семья невесты дала согласие на брак. Нарушение сговора после этого ритуала считалось большим грехом. Жениха зачастую проверяли на смекалистость – когда он приходил в дом к невесте, ему незаметно на стул клали конфорку от самовара и смотрели, как он себя поведёт: если заметит, то хорош, если не заметит – не очень умён будущий жених. Девушку тоже проверяли – ей в тесто бросали золотое колечко, если она его заметит, значит хорошая хозяйка, если нет – то не очень. В девушках ценились хозяйственность, здоровье, трудолюбие. Как для мужчин, так и для женщин особым критерием работоспособности являлся хороший аппетит: хорошо ест, значит, хорошо работает, поэтому нужно было уплетать за обе щёки то, что давали.

Перед свадьбой девушки собирались на посиделки, девичник – джиен. Невесте обязательно собирали сундук с приданным, жених в свою очередь должен был готовить подарок и наряд для невесты. Подарок со стороны жениха – калын, со стороны невесты – приданное.

Свадебное платье татарок было обычно светлых оттенков – сливочного, голубого, розового цвета. Наряд могли сшить самостоятельно или его присылали родственники, проживающие на территории Узбекистана. Зачастую в одном платье выходили замуж несколько поколений татарок. Тоже самое касалось и костюма жениха – в одном пиджаке могли жениться от 10 человек.

Свадьба обычно проходила шумно и весело, приведу цитату: «В деревне много народу, леший, пеший, кому не лень – все на свадьбу приглашались». То есть свадьба была масштабным действием, и приглашалась вся деревня. Свадебный пир продолжался три дня, подавались традиционные татарские угощения. Особое внимание уделялось сладостям, на свадьбу было принято угощать чак-чаком. Специально к свадьбе варили брагу, бузу; пели песни, играли на гармошке, причём многие отмечали, что хорошо играли на гармошкене только мужчины, но и женщины.

Что касается развода, тотатарские семьи очень редко распадались, лишь по очень веской причине. Жительница села Толстиково так сказала нам: «Какой мосол достался, тот и грызи до конца своих дней, а другой будет либо надгрызенный, либо сырой»—менять мужчин как перчаток не приходилось. Семьи были крепкие, преимущественно с патриархальным укладом, окончательное слово было за мужчиной, но женщина принимала активное участие в жизни семьи, имела право слова. Мужчина нес ответственность за семью, за её благополучие, за материальную обеспеченность и т.д. Повторные браки тоже случались. Если умер кто-то из супругов, вдовец или вдова могли второй раз жениться или выйти замуж.

Татары по сей день трепетно относятся к истории семьи. По-хорошему, как нам сказали, нужно знать 14 поколений своих предков. В современных реалиях это, конечно, невозможно, но многие помнят хотя бы четыре колена своей семьи. За три года нашей экспедиции в двух домах нам посчастливилось увидеть фамильное древо: в знаменитой семье Тугеевых, которая, по их словам, ведет свою родословную от младшей дочери пророка Мухаммеда Фатимы, и в семье Ямбаева Микаэля из села Подлипки Касимовского района. Родственные связи тесные, постоянно созваниваются с теми, кто живет далеко, и хотя бы раз в год стараются встречаться. В этой семье родителей уже нет, соответственно, они обычно встречаются в доме старшей сестры.

В настоящее время многое поменялось в традиционном укладе жизни, но специфические особенности все же существуют, например, религиозное оформление брака. Вначале идут расписываться в загс, а на следующий день традиционная трёхдневная татарская свадьба с костюмами, с традиционными свадебными обрядами. Так же за невесту дают калын, подарок, а невеста готовит приданное: подушки, одеяла, полотенца. И, конечно же, подаются блюда традиционной татарской кухни. Готовят как мужчины, так и женщины; мужчины занимаются мясом, женщины всем остальным.

Современные дети уважительно относятся к взрослым – никаких пререканий, чтят и помнят своих предков, многие на бытовом уровне понимают язык. Тяга к знаниям и сейчас прослеживается у поколения молодых, так же стремятся получить высшее образование, многие из них медики. Конечно, многие уезжают из Касимовского, Кадомского и Ермишинского районов, а пути их следования – это не Москва, а Казань, Рязань и Санкт-Петербург. Это традиционно татарские пути: и в конце XIX, и в начале XX века татары ехали именно туда.

На современности мы с вами и закончим. Современная молодёжь следуют традициям, несмотря на то, что многое забылось. Они пытаются научиться кулинарии, восстанавливают свадебные обряды, с вниманием слушают своих

бабушек и дедушек и пытаются воплотить традиционные татарские элементы жизни в жизни своей, современной.